

Лань Юй, наблюдая за удаляющимися фигурами двух людей и кота, чувствовала, что ей следовало бы что-то сказать в напутствие, но, кажется, любые слова были бы излишни. Слегка вздохнув, она повернулась к двум другим:

— Вы уже видели трёх владык пиков. Должно быть, уже сделали выбор?

— Я выбираю владыку Цинлуань!

— Я хочу войти в пик Хун Ту!

Двое ответили один за другим, следуя за Лань Юй, покидая пик Минсинь, но при этом не могли удержаться, чтобы не оглянуться с журавля, размышляя, правильно ли они поступили, отказавшись от истинного монаха Юань-ин.

На журавле их охватило беспокойство, и они даже не подозревали, что на пике Минсинь разыгрывалась неприятная сцена.

— Что плохого в том, чтобы спать в одной комнате? Я же кот! Я хочу спать с Цзи Ханьсюэ! Не лезь в мои дела!

[Авторская заметка:

Кот в Дворце Демонов никогда сам не брал палочки, никогда сам не мылся, никогда сам не расчёсывал шерсть и, конечно, никогда не спал на отдельной кровати...]

— Нельзя! Даже если ты кот, ты — кот с пробуждённым сознанием. Днём можно позволить тебя носить на руках, но ночью ты должен спать в отдельной комнате, и тут никаких обсуждений!

Сероглазый мужчина, хмурясь, смотрел на маленького кота, который упрямо отказывался заходить в комнату. Его голос был холодным и жёстким.

— Ты же сказал, что не будешь вмешиваться! Тогда не лезь! Иди в свою комнату и пей вино!

Детский голос, всё ещё с оттенком младенчества, настойчиво отвечал, а передние лапки крепко обхватывали руку Цзи Ханьсюэ, не желая отпустить. Кот смотрел на сероглазого мужчину с настороженностью.

Сероглазый мужчина, а точнее, владыка Минсинь, изначально не собирался вмешиваться в дела этих двоих, но, увидев, как кот никогда не был один, понял, что не может оставаться в стороне.

Если вдруг станет известно, что ученик истинного монаха Юань-ин боится спать один, это

будет не просто позором перед всем миром культивации. Главное, что в будущем, когда он достигнет высокого уровня мастерства, он не сможет жить самостоятельно. Минсинь ни за что не позволит своему ученику вырасти настолько зависимым!

— Спускайся!

Минсинь нахмурил брови, его обычно расслабленная спина слегка выпрямилась, а алкогольное опьянение в глазах уже рассеялось. Даже его угрюмая аура немного ослабла.

— Не спущусь!

Чэнь Хэ никогда не слышал, что для практики нужно спать в одиночестве. В некоторых сектах, где не хватает помещений, даже четыре человека спят в одной комнате. Почему он и Цзи Ханьсюэ не могут спать вместе? Почему ему запрещают спать с ним?

— Цзи Ханьсюэ, отпусти его.

Минсинь уже знал их имена из табличек, предоставленных сектой, поэтому называл Цзи Ханьсюэ без труда. Будучи его учителем, если один не слушался, он обращался к другому.

Цзи Ханьсюэ посмотрел на своего учителя, находящегося на поздней стадии Юань-ин, с недовольным выражением лица, а затем на кота в своих руках, который словно говорил: «Попробуй, отпусти меня». Он тихо сказал:

— Ахэ, я не могу его победить...

Чэнь Хэ широко раскрыл кошачьи глаза:

— Истинный монах Минсинь, вы же не будете нападать на младшего?

— На других — конечно, нет. — Минсинь медленно посмотрел на них. Его лицо, покрытое щетиной, выглядело уставшим, но в то же время обладало особой зрелой харизмой. — Но на вас я готов. И тебе пора называть меня учителем.

Серый рукав без узоров лёгким, но сильным движением оторвал кота от руки Цзи Ханьсюэ и отправил его в комнату слева, которая внезапно открылась. Дверь с громким стуком захлопнулась.

Цзи Ханьсюэ на мгновение хотел двинуться, но сила истинного монаха Юань-ин сковывала его. Глубокие, как тёмный пруд, глаза упали на Цзи Ханьсюэ, наполненные лёгким осмотром и остротой.

— Чжан Юнь сказал, что у тебя корень духа первого уровня, но я вижу, что это не совсем так.

— Голос Минсиня был спокойным и размеренным. — Твой потенциал не уступает моему. Жаль только, что ты не развивал его должным образом.

Услышав, как учитель упомянул его талант, выражение лица Цзи Ханьсюэ не изменилось, а взгляд остался таким же спокойным. Лишь при взгляде на закрытую дверь его брови слегка нахмурились.

— У каждого есть свои секреты, и я не собираюсь их выяснять. — Минсинь по-прежнему сковывал тело Цзи Ханьсюэ. — Но раз уж ты стал моим учеником, то будь хорошим учеником и не создавай лишних проблем. Иначе, хоть моё мастерство и остановилось на этом уровне, я всё ещё могу с тобой справиться.

Сказав всё, что хотел, Минсинь освободил Цзи Ханьсюэ от оков, но, прежде чем тот открыл дверь, спокойно добавил:

— Советую тебе не заходить внутрь. Ты сможешь защитить его какое-то время, но не всю жизнь. Слепая любовь — не всегда благо, иногда она приносит больше вреда.

— Не беспокойтесь, истинный монах. — Цзи Ханьсюэ холодно взглянул на него, открывая дверь и отвечая:

— Если я смог защитить его какое-то время, то смогу и всю жизнь... Ахэ, кхх...

Тяжёлая пыль обрушилась на лицо Цзи Ханьсюэ, комната погрузилась в полную темноту, а за его спиной дверь с громким стуком захлопнулась.

— Кхх... что происходит?

Цзи Ханьсюэ кашлянул и, воспользовавшись слабым светом из окна, увидел, что комната полностью покрыта пылью. Не говоря уже о коте, здесь, кажется, вообще никто не бывал.

— Давай пока не будем говорить о защите на всю жизнь. Сначала защитись на какое-то время. Видишь состояние комнаты? Я уже говорил, что на пике Минсинь мало свободных комнат. Кроме моей спальни, только одна гостевая комната чистая, и её занял кот. Это единственная комната, где можно жить, так что тебе придётся устроиться здесь.

Цзи Ханьсюэ огляделся и увидел, что в комнате была только одна кровать, которая выглядела прочной. Стол был старым, с одной сломанной ножкой, стул развалился, а одеяло было изгрызено мышами. Называть эту комнату пригодной для жилья было слишком лестно.

Из соседней комнаты доносились громкие крики кота, звук его когтей, царапающих дверь, был отчётливо слышен.

— Выпустите меня! Я хочу спать с Цзи Ханьсюэ!

Цзи Ханьсюэ, весь в пыли: ...

— Какой сон вместе? Уже поздно. На столе есть еда, поешь и отдохни. Завтра я к тебе зайду.

— Минсинь, ты старый дурак! Выпусти меня!

— Невежливо. Называй меня учителем.

— Учитель... Ага, учитель! Ты, старый дурак, которому уже девятьсот лет, и который любит вмешиваться в чужие дела! Выпусти меня, или я сломаю дверь!

— Ломай, если сможешь.

Цзи Ханьсюэ попробовал позвать кота, но понял, что, хотя сам слышит его голос, кот, кажется, не слышит его, продолжая протестовать.

К сожалению, шаги за дверью постепенно удалялись. Цзи Ханьсюэ нахмурился, но тут голос снова раздался у двери:

— Кстати, в этой комнате никто не жил уже сотни лет. Я забыл прислать еду. Ты хочешь поесть?

— ...Нет, я не голоден.

— Тогда хорошо. Меньше угрызений совести, ведь ты тоже мой ученик... Кстати, техника звукоизоляции исчезнет через два часа. Если проголодаешься, позови кого-нибудь, чтобы принесли еду. Только не шуми слишком сильно, не мешай мне.

— ...Понял.

Шаги снова удалились. Цзи Ханьсюэ, беспокоясь о коте в соседней комнате, хотел попытаться снять звукоизоляцию, но тут царапание двери внезапно прекратилось.

— Старый дурак, негодяй... Как пользоваться этими палочками? Он что, не подумал, что я кот?

Звуки палочек, стучащих по столу и тарелкам, были не очень приятны, но, по крайней мере, кот что-то делал.

И хотя в голосе кота слышались ругательства, в последних словах появилась некоторая

невнятность, как будто он что-то жевал. Видимо, он уже начал есть.

Цзи Ханьсюэ, который уже собирался поднять руку, медленно опустил её, слегка запрокинул голову и прислонился к стене.

Как он мог забыть, что до того, как он нашёл кота, тот всегда жил один. Тот, кто нуждался в поддержке, чтобы выжить, всегда был он сам.

С другой стороны, Чэнь Хэ и не подозревал о происходящем в соседней комнате. Он сидел на столе, держа в лапах огромную куриную ножку и с аппетитом уплетал её.

Нельзя было винить его за то, что он, будучи котом, сразу после ссоры с человеком начал жадно есть. Просто кухня Бессмертной секты Сяояо... действительно была восхитительной!

Ароматный суп из девяти сердец драконьего лотоса, жаркое из ледяного змея с упругой текстурой, шарики из красной птицы Западного континента... Неудивительно, что Император Демонов так любил мясо красной птицы. Оно было действительно вкусным!

Чэнь Хэ, погружённый в ароматы стола, совершенно забыл о времени. Даже о том, что Цзи Ханьсюэ так долго не связывался с ним, он вспомнил только после того, как съел последний шарик.

— Цзи Ханьсюэ? Цзи Ханьсюэ, ты здесь?

<http://bllate.org/book/15407/1362012>